

**АНДРЕЙ
СОБАКИН**

В ГОСТЯХ У
СКАЗКИ

Андрей Собакин
В гостях у сказки

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Собакин А.

В гостях у сказки / А. Собакин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Великая Отечественная война. Зима 1941-42 года. В непроходимых русских лесах группу немецких солдат подстерегают не только лютый мороз и партизаны. Встреча с русской мифологией круто меняет судьбу захватчиков...

Андрей Собакин В гостях у сказки

Стояла зимняя морозная ночь. Мириады далёких звёзд ровно сияли над безмолвным спокойствием тёмного, засыпанного снегом леса. Величественные ели и огромные сосны покрытые толстым снежным одеялом, казалось, впали в вечный сон, и время остановилось...

*

Под монотонное завывание мотора небольшой грузовик с накрытым брезентом кузовом медленно пробирался по едва различимой в снегу дороге. Фары были потушены, чтобы не привлечь внимания партизан. В тесной кабине, плотно прижавшись друг к другу, сидели трое молодых мужчин, волей судьбы вырванных из разных уголков Германии, одетых в униформы вермахта и заброшенных в бескрайние русские леса завоёвывать жизненное пространство для арийской нации. Они напряжённо вглядывались в темноту через мутное заледеневшее стекло, и за каждым деревом в призрачном лунном свете им мерещилась то фигура притаившегося человека, то какие-то фантастические чудовища...

Курт был достаточно опытным водителем, но и ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы удерживать потрёпанный «Опель» посередине этой прорытой в глубоком снегу канавы, которую по какой-то причине на карте обозначили как дорогу. Иногда какое-нибудь колесо всё-таки проваливалось в снег, и грузовик начинало уводить куда-то в сторону. Тогда все трое испуганно замирали и с надеждой ожидали, когда завывая и пробуксовывая машина снова выберется на твердый грунт. Пару раз им уже приходилось выходить и, разрывая снег лопатами, подкладывать под колёса ветки и молодые ёлочки...

– Может всё-таки включить фары? – нерешительно спросил Курт у сидевшего рядом с ним молодого лейтенанта.

– Нет, но можешь ехать ещё медленнее, – ответил лейтенант, – Нам сейчас лучше не рисковать. Мы и так уже инструкцию по всем пунктам нарушили: едем ночью и на одной машине...

– Есть не рисковать, – вяло отозвался Курт.

– Ничего, скоро приедем, – сказал лейтенант, – до деревни не больше трёх километров осталось...

Курт и другой солдат, Вернер, который сидел справа от лейтенанта, только промолчали в ответ. Впрочем, каждый из них про себя отметил, что эту фразу лейтенант уже произносил где-то полчаса назад. Ещё Курта несколько беспокоило, что машина зарывалась в снег гораздо больше, чем утром, когда они ехали на станцию. Но это, видимо, из-за того, что сейчас машина была загружена...

Лейтенант казался внешне невозмутимым – он уже давно научился не показывать своего страха или волнения перед подчинёнными. Звали его Максимилиан Кох. Он был молод и честолюбив, он рвался на фронт, туда, где решалась судьба этой великой войны. Но всё получилось совсем не так, как он рассчитывал...

*

Отец Коха был кадровым офицером кайзеровской армии и добросовестно провёл два тяжелейших года в окопах на Западном фронте. Во время очередной неудавшейся попытки прорыва через французские заграждения, Кох-старший подорвался на противопехотной мине – шедший чуть правее солдат, видимо, зацепился ногой за растянутую проволоку, и внезапно взметнувшийся из-под земли смертоносный вихрь осколков отбросил офицера в сторону,

каким-то чудом не задев никаких жизненно важных органов; однако левая нога обездвижилась на всю оставшуюся жизнь. Так закончилась его военная карьера. Солдату тогда повезло гораздо меньше – его тело разорвало на куски, а голова в шлеме отлетела на пару десятков метров...

Гитлера Кох-старший поначалу недолюбливал за австрийское происхождение и за страсти к болтовне. Однако когда в 1933 году нацисты всё-таки пришли к власти, и Германия резко повернула в сторону милитаризации, ветеран Мировой войны Кох был доволен. Он свято верил, что только сильная армия сможет дать Германии то влияние и могущество, которые позволили бы ей занять достойное место среди великих держав мира, и его радовало, что Гитлер тоже понимал это. «Поверь мне, Макс», – говорил Кох-старший сыну, – «Англия и Франция очень заблуждаются, думая, что война выиграна, и что Европа принадлежит им. Война ещё не закончена, и Германия ещё не сказала своего решающего слова...»

В артиллерийском училище Макс Кох был прилежным и дисциплинированным курсантом, впрочем, как и большинство его товарищей. Несколько неожиданным оказалось его увлечение русским языком – хотя, конечно, об основной причине Макс никогда никому не рассказывал... А причина была очень и очень примечательная и симпатичная. Впервые Макс увидел её на новогоднем вечере среди преподавателей училища – стройная светловолосая девушка в белом платье заметно выделялась на фоне затянутых в парадные мундиры офицеров. Приятель и однокурсник Макса, Дитмар, тут же ввёл его в курс дела: её звали Анна, и она будет вести курсы русского языка для курсантов и офицеров. Дитмар также добавил, что Анна – дочь русских эмигрантов, бежавших из России после революции. «Её папаша был офицером царской армии» – добавил Дитмар. Откуда ему были известны такие подробности, и зачем офицерам вермахта знать русский язык – об этом Макс тогда даже и не задумывался. Он не сводил глаз с Анны, и ему всё в ней сразу понравилось: понравилось, как она смеялась какой-то шутке старенького генерала, понравилось, как она изящно поправляла рукой волосы, и как она, слегка повернув голову, посмотрела прямо на Макса и приветливо кивнула ему, словно старому знакомому... Макс был окончательно покорён. Однако будучи по натуре юношей скромным и застенчивым, он не решился сразу подойти к ней и заговорить. Вместо этого он узнал у Дитмара, где и как можно записаться на курсы, а потом, заручившись одобрением начальства, купил толстую тетрадку и морозным январским вечером отправился на первое занятие. Так в жизни Макса начался непродолжительный романтический период. Образ обворожительной красавицы Анны постоянно стоял перед его мысленным взглядом – на занятиях, на стрельбах, во время изнурительных физических тренировок... А потом, сидя на курсах русского языка и находясь в приятной полудрёме от усталости, Макс наслаждался чертами Анны уже наяву, как художник, присевший на скамеечку в галерее перед полотном какого-нибудь старого голландского мастера. Её овал лица, линия носа, большие голубые глаза с длинными ресницами, звонкий голос – то с необычайно отчётливым, то с почти неуловимым акцентом – всё это наполняло душу Макса радостью и блаженством, и ему искренне хотелось, чтобы урок никогда не кончался... Он прилежно делал все домашние задания, заучивал слова, аккуратно заносил их в тетрадку и повторял при каждом удобном случае. Пару раз Макс оказывался с Анной один на один в комнате. Анна хвалила его за усердие и участливо интересовалась, не трудно ли ему совмещать занятия языком с основной учёбой, и тогда Макс вдруг смущался, словно школьник, и все его давно запланированные фразы более частного характера внезапно куда-то улетучивались, и в ответ он бормотал что-то уж совсем маловразумительное... А потом Макс с нетерпением ждал следующего урока, чтобы уже не растеряться и проводить Анну после занятий, или пригласить её куда-нибудь, или просто показать, что она ему далеко не безразлична. Прошло примерно два месяца, и однажды Анна куда-то пропала. Вместо неё курс начал вести старый австриец живший много-много лет в Санкт-Петербурге и сбежавший оттуда в самом начале Мировой войны опасаясь погромов. Русским он владел в совершенстве и сразу же показал себя очень хорошим педагогом; пожалуй, даже гораздо лучшим, чем была красавица Анна.

Австриец носил шикарные, свисающие вниз седые усы, за что курсанты сразу прозвали его между собой «кайзером». Сам же он просил обращаться к нему по-русски «Альберт Карлович» – так его величали в России в прежние времена. Что случилось с Анной Макс узнал очень скоро – Дитмар, как всегда, был в курсе. Оказалось, что она уже давно была замужем за евреем, который ещё в 1936 году уехал из Германии в Бельгию, где у него жили какие-то родственники. Судя по всему, муж постоянно уговаривал Анну тоже покинуть Германию, но она не соглашалась, так как её отец был стар и болен. Когда же отец Анны скончался, она поддалась уговорам мужа и переехала в Бельгию. Эта новость очень огорчила Макса – как могла такая милая и очаровательная девушка выйти замуж за паршивого еврея? Однако довольно быстро он успокоился. Влюблённость плавно перешла в чувство жалости, словно его девушку сразила внезапная и смертельная болезнь. Наверное, у неё, и правда, были какие-то странности или отклонения – другого объяснения просто не находилось. Впрочем, бросать изучение русского языка Макс не стал и, по-прежнему, дисциплинированно и прилежно посещал все занятия. Возможно, у него были лингвистические способности, так как Альберт Карлович даже собирался порекомендовать Макса для дальнейшего углублённого изучения языка и, возможно, для службы во внешней разведке. Однако Макса такая перспектива не особо заинтересовала – он почему-то представил себе письменный стол заваленный разными бумагами, бесконечные ряды пыльных папок в шкафах – нет, начинать свою военную карьеру штабной крысой у него не было ни малейшего желания...

*

А потом началась война – Германия, наконец, встала с колен и начала творить свою историю. Как воодушевлённо следили курсанты за ходом военной кампании в Польше, а потом во Франции! Как радовались они победам Рейха и величию германской нации! А потом был выпускной вечер, и скоро Макс оказался на востоке Польши, где, как ему тогда казалось, война только-только закончилась. Как ему хотелось быть в центре событий! Германия как раз объявила войну Югославии...

Начало войны против Советского Союза оказалось некоторым шоком и для Макса, и многих его коллег – офицеров вермахта. Как и его отец, Макс был уверен, что Россия была естественным союзником Германии в Европе ещё со времён наполеоновских войн. Выступление русских на стороне Англии и Франции в Мировой войне и Кох-старший, и Кох-младший считали историческим недоразумением... Однако, оказалось, что несмотря на недавно подписанный договор о ненападении, большевики готовились нанести превентивный удар по Рейху. Только благодаря деятельности германской разведки и прозорливости фюрера, коварный замысел Сталина был раскрыт, и вермахт приготовился наказать агрессора. Удар по СССР был сокрушительный и неотвратимый, как воля фюрера...

*

Боевое крещение Макс принял в Белоруссии. Он – командир двух противотанковых орудий, и в его подчинении двенадцать человек и два грузовика. Была золотая осень. Окружённая группировка Красной армии уже несколько дней безуспешно пыталась вырваться из кольца. Макс со своими орудиями и при поддержке небольшого подразделения пехоты занимал позицию на краю обширного луга с довольно неровным рельефом и с раскиданными здесь и там зарослями невысокого кустарника. Орудия были укрыты в неглубокой широкой канаве, которая тянулась вдоль просёлочной дороги пересекавшей луг. На дне канавы кое-где стояла вода в виде вытянутых глубоких луж с глинистыми берегами, и росла осока. В отдалении, за лугом, тёмной стеной стоял лес. Где-то там, в лесу держали оборону остатки подразделения Красной армии. Оттуда доносились выстрелы, пулемётные очереди и разрывы снарядов подтянувшейся немецкой артиллерии. Никто не ожидал, что русские попытаются пробиться из

окружения именно здесь – открытая местность превратила бы их в лёгкие мишени для залёгших вдоль дороги солдат вермахта. Поэтому атмосфера на позициях была расслабленная и спокойная. Ближе к вечеру стрельба в лесу затихла, и прикативший на мотоцикле связной передал Макс и командиру пехотинцев новый приказ: оставить позиции и двигаться дальше на восток. Связной был приветливый малый с северогерманским произношением (как оказалось, из Киля), и пока орудия приводились в походное положение и выкатывались из канавы на дорогу, Макс успел с ним немного поболтать. За это время пехота уже успела погрузиться в свои грузовики и быстро скрылась в облаке пыли за холмом.

– Здесь всё закончено, – сказал Макс связной, который так и сидел верхом на своём мотоцикле, – Русские сдаются толпами – они поняли, что у них нет никаких шансов...

Связной видимо хотел ещё что-то добавить, но тут его внимание привлекло что-то на дальнем конце поля, у самого леса...

– А это кто такие?.. – пробормотал он и, чуть приподнявшись над седлом мотоцикла, начал всматриваться вдаль. Макс тоже посмотрел в ту сторону и в быстро сгущающихся сумерках ясно увидел пять или шесть серых силуэтов, которые поспешно и чуть пригнувшись, короткими перебежками отделились от тёмной массы леса и практически сразу исчезли среди неровного ландшафта луга. Не успели Макс и связной переглянуться, как из леса появилась ещё одна группа, на этот раз побольше – человек десять, которая так же бесшумно растворилась в пересечённом рельефе луга.

– Чёрт! – воскликнул связной, – Это же русские! Пока наши думают, что они все там сдаются, эти, видимо, решили прорываться здесь!

Макс оглянулся на свои орудия. Одно уже было прицеплено к грузовику, а второе артиллеристы только ещё пытались выкатить из канавы. Русские, несомненно, увидели два грузовика на дороге, и, оценив возможные силы вермахта на этом участке, пошли на прорыв.

– Продержитесь хотя бы полчаса, – быстро сказал Макс связной, с первой же попытки завёл мотоцикл и, резко развернувшись, умчался вслед за уехавшими грузовиками с пехотой.

– Орудия к бою! – закричал Макс и показал своим недоумевающим солдатам в сторону леса. И тут все увидели новую цепочку русских солдат, не меньше тридцати человек, которая появилась из-за деревьев и тут же распалась на несколько небольших групп, моментально исчезнувших из вида за гребнем небольшого холма. Макс похолодел. Игры закончились – где-то там, среди этой травы, кустов, холмов и оврагов к ним приближалось не менее полусотни вооружённых красноармейцев, которые, очевидно, отказались капитулировать и теперь были готовы на всё, чтобы вырваться из окружения. Ситуация осложнялась ещё и тем, что русские видели их грузовики на дороге оставаясь сами незамеченными. Когда иваны подойдут совсем близко и пойдут в атаку – что смогут сделать Макс и его двенадцать солдат? У них ведь даже пулемёта не было... Не теряя ни секунды, солдаты привели в боевое положение орудие, которое ещё не успели вытащить из канавы. Тут же Макс сообщили об ударе судьбы: второе орудие, которое было уже прицеплено к грузовику, никак не получалось отцепить – что-то заело в сцепке. И хотя у запасливого водителя оказалась с собой ножовка для металла, на перепиливание сцепного кольца времени совсем не было. Макс приказал службе второго орудия вооружиться винтовками и занять позиции в канаве.

Солдаты получили приказ немедленно стрелять при появлении противника. Макс надеялся, что русские не решатся тогда идти в атаку, а залягут и ввяжутся в перестрелку, что даст ему возможность потянуть время и дожидаться подкрепления.

Стояла напряжённая тишина – выстрелы в лесу уже давно затихли, а надвигающиеся на Макса и его людей красноармейцы хотели, видимо, незаметно подкрасться как можно ближе. В голове Макса мелькали самые разные мысли... Может, было бы лучше быстро погрузиться всем на грузовики и отступить? Сохранил бы солдат, удалось бы вывезти одно орудие и обе машины; правда, орудие в канаве пришлось бы бросить – вряд ли они успели бы вытащить

его на дорогу... Нет, это совсем не вариант. К тому же, скоро подойдёт подкрепление – если, конечно, связной благополучно выбрался отсюда, и его не подстрелили по дороге... Может, русские обойдут их стороной и, не вступая в бой, просто уйдут? Сомнительно – они могли ведь сдать там, в лесу, вместе с остальными. Нет, эти, наверняка, настроены драться... Или русские собирались захватить грузовики, чтобы побыстрее переправиться... Куда? Все дороги в округе уже давно контролировались немецкими войсками... И тут на гребне холма неподалёку неожиданно появились два русских солдата. Раздался одиночный винтовочный выстрел – это по ним выстрелил кто-то из солдат Макса, и иваны сразу же снова скрылись. Потом послышались выстрелы со стороны луга, и Макс вдруг с ужасом понял, что красноармейцы стреляют по грузовикам. Надо было с самого начала приказать водителям увести машины из-под огня! Теперь было уже поздно, и выбраться сейчас из канавы на дорогу – это означало стать лёгкой мишенью для рассредоточившихся по всему лугу русских. Однако Макс решил всё-таки исправить свою ошибку и приказал шофёрам вернуться к машинам, чтобы как можно скорее вывести их из-под обстрела. Вальтер и Петер ползком добрались до дороги, но едва они, пригибаясь как можно ниже к земле, побежали к грузовикам, со стороны луга раздалось одновременно не меньше десятка выстрелов. Петер внезапно остановился, как-то неестественно крутанулся на месте, а потом выронил винтовку и с жутким криком повалился на дорогу. Макс видел, как его водитель не переставая кричать и плакать от боли, пытался зажать руками рану в левом бедре. Вальтер тоже бросился на землю и скатился с дороги обратно в заросли невысокого кустарника, где русские не могли его видеть.

– Вальтер! Назад! Сюда! – закричал Макс опасаясь, что тот снова поднимется и попытается добраться до грузовика. Приползший назад в канаву Вальтер не был ранен, но выглядел очень напуганным. Теперь над лугом раздавались одиночные винтовочные выстрелы – солдаты Макса и красноармейцы осторожно перестреливались, не видя толком друг друга из-за зарослей кустарника и неровностей рельефа. Раненый Петер стонал и плакал, но сил отползти прочь с дороги у него, видимо, уже не было. Макс чувствовал, что надо было что-то делать, и он приказал двум солдатам, Уве и Гансу, забрать Петера с дороги. Когда те выползли на дорогу, русские снова открыли прицельный огонь... Обратившись в канаву вернулись только вспотевший и перепачканный кровью Уве и раненый Петер – Ганц остался лежать возле грузовика. На вопросительный взгляд Макса Уве только печально покачал головой... А потом события начали происходить с молниеносной быстротой. Красноармейцы вдруг заторопились, и было видно, как они перебежками, скрываясь за кустами и бугорками, стали приближаться к дороге. По приказу Макса, спрятанное в канаве орудие начало обстрел осколочными снарядами. Поскольку противник был рассредоточен по всему лугу, тактика стрельбы была выбрана такая: выстрел, поворот на пятнадцать градусов – снова выстрел, и опять – пятнадцать градусов... Пройдя весь сектор обстрела, т.е. 60 градусов, орудие начинало двигаться в обратную сторону. Неизвестно, насколько такая стрельба была результативной – Макс только один раз увидел, как при разрыве снаряда в облаке пыли на мгновение показались два солдата противника. Было не понятно, подбросило ли их в воздух взрывом, или они просто в тот момент меняли позицию... Однако орудийный обстрел всё-таки прижал иванов к земле и, возможно, несколько задержал их атаку. Чуть приподнявшись из канавы Макс обзирал поле боя. Неожиданно, где-то совсем рядом он услышал пару необычайно звонких выстрелов, и что-то даже просвистело совершенно рядом с его головой – Макс не сомневался, что это были выстрелы из пистолета. Он повернулся налево и вдруг в каких-то двадцати метрах от себя увидел советского офицера бегущего прямо на него. Видимо, русскому удалось, ловко скрываясь за неровностями рельефа и зарослями кустарника, незаметно подобраться практически к самому орудию и укрытию Макса и его артиллеристов. Офицер снова прицелился в Макса из револьвера, и прямо на бегу выстрелил ещё раз. Пуля просвистела где-то сверху, и Макс успел подумать: «Он целится в голову, но ведь так же труднее попасть...» В следующее же мгновение над его ухом грохнул винтовочный выстрел, и красноар-

меец резко остановился, выронил револьвер и схватился за левое предплечье. Макс увидел, что это стрелял Вальтер. Пока Вальтер передёргивал затвор, Макс начал лихорадочно расстёгивать свою кобуру, чтобы достать пистолет. Раненый офицер, с искажённым от боли лицом и не переставая зажимать рукой левое предплечье, сел на землю и даже попытался кое-как приподнять левую руку, показывая, что он сдаётся. Тут же позади него из-за кустов появился русский солдат с винтовкой наперевес. Вальтер, который собирался было снова выстрелить по офицеру, перевёл винтовку на солдата и спустил курок. Солдат резко наклонил голову, словно хотел рассмотреть что-то внизу, потом неуверенно попятился и шумно завалился на спину, подмятая собой сухие кусты... В этот момент со стороны дороги послышался шум моторов, и из-за пригорка показались два мотоцикла с колясками. На большой скорости и буквально взлетая в воздух на ухабах они стремительно приближались. Установленные на колясках пулемёты начали короткими очередями стрелять по русским, которые уже практически не скрываясь бежали к дороге. Красноармейцы тут же залегли и начали отстреливаться. Однако когда на дороге в облаке пыли показались бронемашина и грузовик с пехотой, они бросились бежать через поле обратно в лес. В лесу, очевидно, тоже что-то происходило. Оттуда доносились отдельные выстрелы и короткие пулемётные очереди. Макс видел, как русские метались по лугу; некоторые, устремившись было к лесу, поворачивали назад и тут же падали в траву скошенными пулемётным огнём с мотоциклов и бронемашин. Минут через пятнадцать всё было закончено. Из леса появились немецкие пехотинцы. Они растянулись широкой цепью через весь луг и неспеша двинулись в сторону дороги. Иногда раздавались одиночные выстрелы – солдаты приканчивали раненых. Макс увидел, как солдаты подняли посреди луга из травы пять или шесть красноармейцев и заставили тех идти вперёд с поднятыми руками. Потом одного ивана они почему-то всё-таки застрелили выстрелом в затылок – наверное, тот был ранен и не мог идти достаточно быстро. Возле дороги всех уцелевших русских посадили на землю. Их осталось всего около двадцати человек. Стрелявший в Макса офицер сидел с краю, и один из пленных солдат несколько неумело пытался наложить повязку на его простреленное предплечье. Офицер был бледен. Проходя мимо, Макс встретился с ним взглядом, и тот опустил глаза. Макс не чувствовал ненависти, хотя ещё совсем недавно этот иван пытался его убить. Сейчас он проиграл, и для Макса – его больше не существовало...

Командовавший немецкими пехотинцами гауптман выйдя из бронемашин с интересом оглядывал поле боя. Артиллеристы перевязывали Петеру его простреленную ногу – тот кричал и плакал от боли как ребёнок. Несколько пехотинцев собирали на лугу брошенное русскими оружие. Макс подошёл к мёртвому Ганцу лежавшему на дороге возле грузовика. Лицо юноши было мраморно-бледным, глаза – широко раскрыты. Макс присел возле него...

– Что? Первые потери, лейтенант? – спросил незаметно подошедший гауптман.

Макс только молча кивнул.

– Ну что ж... – сказал гауптман, – Действовали вы, лейтенант, крайне безграмотно, но вам сегодня повезло. Вы справились. Поздравляю. Вашего раненого я заберу с собой и отвезу в госпиталь. Там, видно, берцовая кость перебита пулей...

Когда Петера погрузили в бронемашину, Макс вдруг вспомнил, что остался без шофёра. Он сказал об этом гауптману.

– Пишите рапорт, – равнодушно отозвался тот и добавил, – Мои люди сейчас помогут вам вытащить орудие из канавы, и туда мы положим вот этих... – гауптман брезгливо кивнул на сидевших на земле пленных красноармейцев.

Очевидно, во взгляде Макса мелькнуло недоумение, и поэтому гауптман доверительно пояснил:

– А куда я их дену? Операция закончена. У меня приказ наступать дальше. Что я буду с пленными делать? Собственно, здесь вообще ничего не должно было происходить...

Потом гауптман подозвал к себе одного из фельдфебелей и стал давать ему какие-то указания...

Макс направился к своим грузовикам. Проходя мимо, он украдкой взглянул на пленных красноармейцев. Это были совсем молодые ребята, остриженные наголо, с серыми лицами и с испуганными глазами. «Что ж...» – вздохнул он, – «Это война. Либо мы их – либо они нас...» Русские на него не смотрели, или возможно, Макс сам избегал их взглядов...

Пехотинцы, действительно, помогли быстро вытащить орудие на дорогу и прицепить его к грузовику. Макс пришлось самому сесть за руль вместо раненого Петера. Впоследствии оказалось, что проблема со сцепкой возникла из-за слишком поспешной попытки отцепить орудие от грузовика – орудие своим весом заблокировало механизм размыкающий сцепочное кольцо. Потом, при первой же возможности Макс устроил своим артиллеристам тренировку на целый день – отцеплять орудия, откатывать их на двадцать метров, приводить в боевое положение, а потом снова катить к грузовикам и прицеплять обратно. Повторив такое упражнение несколько десятков раз, артиллеристы научились цеплять и отцеплять орудия столь быстро и красиво, что Макс искренне жалел, что никто из начальства не видел и не мог оценить профессионализм его солдат. Теперь уж точно никаких проблем со сцепкой никогда бы не возникло...

Нового водителя, вместо Петера, Макс получил довольно быстро. Его звали Курт, и это был довольно крепкого телосложения сельский парень откуда-то из окрестностей Аденау. Убитого Ганса заменили гораздо позже, уже в сентябре. Вернер, прибывший в подразделение Макса с очередным пополнением, оказался довольно нескладным парнем попавшим в армию только потому, что его отчислили из университета. Когда этот факт стал известен, среди артиллеристов он сразу же получил прозвище «студент», и даже Макс стал его так называть. Впрочем, особых нареканий к Вернеру не было, и юноша добросовестно и дисциплинированно исполнял свои армейские обязанности.

*

Так сложилось, что Макс со своими орудиями пришлось всё время тащиться где-то в хвосте стремительно наступающий войск. Моторизированные подразделения и целые танковые армии неудержимо рвались вперёд, вглубь бескрайних просторов Советской России, сокрушая всё на своём пути. Пехота не поспевала за ними и постоянно отставала. Подразделение Макса должно было обеспечивать прикрытие от русских танков, но потребности в этом практически не возникало, и два грузовика послушно тянули за собой орудия всё дальше и дальше по пыльным дорогам в сторону Москвы... Русские танки они видели только в выгоревшем или разбомбленном состоянии на обочинах дорог. Обычно это были советские Т-26, которые Макс изучал ещё в училище. Один раз, правда, попался какой-то совершенно незнакомый тягач на гусеничном ходу довольно оригинальной конструкции, полностью выгоревший на обочине одной из бесконечных дорог. Макс тогда приказал остановиться и с интересом его осмотрел...

А потом начались нескончаемые беспросветные дожди. Дороги размыло, и они превратились в непроходимые, наполненные жидкой грязью канавы. Грузовики постоянно застревали в мокрой, развороченной глине, и темп продвижения заметно снизился. Когда один из грузовиков, в очередной раз с трудом вытасченный из грязи, не выдержав нагрузок отказался заводиться и, к тому же, подозрительно осел на правое переднее колесо, Макс вдруг осознал, что остался без грузовика и с двумя орудиями на руках. Пехота не могла его ждать и продолжила движение на восток...

Было холодно, и Макс со своими людьми пришлось просидеть на дороге несколько часов, прежде чем уже в промозглых осенних сумерках появилась раздолбанная скрипучая

телега, которую тянула худосочная меланхоличная лошадка. Какой-то русский старичок с облезлой бородкой, избегая смотреть в глаза артиллеристам и тихонько поругиваясь, дёргал за возжи, пытаясь заставить лошадь обойти по обочине блокирующий дорогу грузовик с прицепленным к нему орудием. На телеге сидели две пожилые женщины и маленькая девочка. Подумав, что лошадь вполне могла бы дотащить одно из орудий до ближайшего населённого пункта, Макс решительно преградил дорогу и оставил лошадь схватив её за упряжь на удивлённо вытянутой морде.

– Стой! – приказал Макс по-русски, – Давай, дед, отстёгивай лошадь! Конфискуется для армии!

Старик заметно перепугавшись и явно неожиданный, что немецкий офицер заговорит с ним на его языке, соскочил с телеги и быстро-быстро начал бормотать:

– Да как же так? Нельзя нам... Мы на станции работаем... Документ есть...

Женщины и девочка с тихим ужасом в глазах молча смотрели на Макса и на подошедших поближе артиллеристов.

– Какой документ? – спросил Макс.

– Так ведь на лошадь! – торопливо ответил старичок, – Нам без лошади нельзя... Комендант разрешил... Для работы...

Макс протянул вперёд руку:

– Покажите документ!

Старичок начал нервно хлопать себя по бокам, где предполагались карманы, а потом начал трясущимися руками расстёгивать потрёпанную телогрейку:

– Счас... Счас... Куда же мы без документа? Без документа нам нельзя...

Сцена прервалась тархтением неизвестно откуда взявшегося мотоцикла. За рулём сидел молодой немец в серой утеплённой шинели со знаками отличия «СС» – унтерштурмфюрер. Макс был несколько озадачен его появлением, а старичок, напротив, даже как бы обрадовался.

– Вот господин начальник не даст мне соврать! – сказал он, – Он документ-то тот нам и выдал. Зачем мне обманывать?

Эсэсовец с любопытством оглядел Макса, грузовики, орудия, солдат, но полностью проигнорировал старичка и женщин на телеге.

– Что тут происходит, лейтенант? – спокойно поинтересовался он у Макса, причём тон его был несколько более властный, чем следовало – в принципе, он и Макс были в одном офицерском звании и, скорее всего, ровесники...

– У нас сломался грузовик, – сдержанно ответил Макс, – Мы могли бы воспользоваться этой лошадью, чтобы добраться с орудиями до...

Эсэсовец неожиданно прервал его:

– Вы говорите по-русски, лейтенант?

Макс не был уверен, что тот слышал его разговор со старичком, но не смог соврать:

– Немного... Я посещал курсы для командного состава вермахта.

Эсэсовец заметно оживился:

– Это очень хорошо! Я – унтерштурмфюрер Бёме. Сделаем так – оставьте нескольких из ваших людей с этим орудием здесь, а вы с грузовиком следуйте за мной на станцию. Я хочу, чтобы вы поговорили с комендантом. Он сможет вам помочь и с машиной, и догнать вашу часть, и связаться с вашим начальством. А потом вы сможете забрать людей и орудие... Через час или два...

Не дожидаясь ответа, эсэсовец прибавил газа, так что его мотоцикл затархтел громче и энергичней. Потом он аккуратно объехал грузовик и, в ожидании, остановился прямо перед ним. Макс манеры эсэсовца совершенно не понравились, но особого выбора у него не было. Оставив половину своих людей у разбитого грузовика и поручив командование флегматичному вахмистру Бахману, он втиснулся в кабину ещё исправного «Опеля», и они поехали...

До станции добрались минут за двадцать. Комендатура располагалась в уцелевшей части здания вокзала. Пожилой полноватый немец в готовой вот-вот треснуть по швам шинели, который о чём-то разговаривал с двумя солдатами охранявшими вход, оказался комендантом. С его лица постоянно не сходило брезгливо-недовольное выражение, которое лишь на пару секунд сменилось некоторым любопытством, пока унтерштурмфюрер Бёме объяснял ему кто такой Макс, и каким образом он здесь оказался. Макс, разумеется, ничего не был слышно, но он логично предположил, что Бёме не забыл упомянуть о том, что Макс говорит по-русски. Потом комендант жестом приказал лейтенанту приблизиться и несколько рассеянно выслушал его рапорт. Потом он сказал: «Ладно, подождите здесь – я постараюсь связаться с вашим начальством» и вместе с Бёме скрылся в здании комендатуры. Макс уселся на ступеньку грузовика и стал ждать. Его солдаты тоже не отходя далеко от машины курили или просто глазели по сторонам. Судя по всему, это был средних размеров железнодорожный узел сильно разрушенный то ли в результате боёв с отступающей Красной армией, то ли после массивной бомбардировки люфтваффе. Впрочем, было заметно, что повсюду на станции ведутся восстановительные работы. Недалеко от здания вокзала на несколько покарёженном паровозном гидранте висели два трупа... Вышедший из комендатуры Бёме жестом пригласил Макса войти. Проходя мимо эсэсовца в дверях, Макс на мгновенье оглянулся на повешенных. Бёме проследил за его взглядом и пояснил:

– Один из них пытался повредить предохранительный клапан на паровозе, ну а другой, по-моему, слишком уж был похож на еврея... – эсэовец рассмеялся и добавил: – Честно говоря, уже не помню, что там было, но русских это, в любом случае, дисциплинирует. Проходите, лейтенант, ваш штаб у нас на связи.

Макс прошёл в комнату, где увидел толстого коменданта, который с кем-то говорил по телефону. Возле коменданта стоял навтыжку молодой офицер.

–... Хорошо, – сказал кому-то в трубку комендант, – Буду вам благодарен... Да, это лейтенант Кох... Очень хорошо. Сейчас вам его дам...

Он передал телефонную трубку стоявшему возле него офицеру и, рассеянно оглянувшись на вошедшего Макса, едва слышно пробормотал:

– Говорите...

Макс подошёл к столу, и офицер молча протянул ему телефонную трубку.

– Лейтенант Кох, – представился Макс незнакомому собеседнику на другом конце провода.

Ответил какой-то незнакомый адъютант, который однако был уже в курсе всего, что произошло.

– Один грузовик потерян? – сразу же спросил адъютант.

– Да, – ответил Макс, – Возможно, его ещё можно починить, но здесь не те условия...

– Понятно, – прервал его адъютант и тут же торопливо продолжил, – Вы и ваши люди временно поступаете в распоряжение коменданта. Вас поставят на довольствие. Все необходимые бумаги мы отправим сегодня.

– А когда... – Макс хотел было спросить, когда и как ему догонять пехотное подразделение, к которому он был прикреплен, но адъютант не дал ему даже попытаться сформулировать свои вопросы.

– До специального распоряжения – вы в подчиняетесь коменданту. Хайль Гитлер! – отрезал адъютант и положил трубку.

Комендант поймал растерянный взгляд Макса и едва заметно кивнул ему, словно говоря: «Такие вот дела, ничего не поделаешь». Офицер молча забрал у лейтенанта телефонную трубку...

Таким образом, стремительное продвижение лейтенанта Коха на восток внезапно превратилось, и он со своими людьми оказался размещённым в богом забытой деревне среди непро-

ходимых лесов километрах в пятнадцати от станции. Электричества в деревне не было, да и вообще весь быт напоминал о временах наполеоновских войн – во всяком случае, так показалось Макс и его солдатам. Самым современным оборудованием в домах были керосиновые лампы. Местные жители были уже достаточно напуганы оккупационными властями и поэтому сами освободили для артиллеристов два наиболее приличных дома, переехав к соседям. Впрочем, всем места всё равно не хватило, и вахмистр Бахман с двумя солдатами разместился ещё в одной избе, где жили две сестры-старушки, которых выгонять не стали, а просто переселили в одну из комнат. Все работоспособные жители деревни были зарегистрированы в комендатуре, и многие из них работали на восстановлении железнодорожной станции, куда они добирались либо пешком, либо на телегах – в деревне было три лошади.

Инструкция полученная лейтенантом от коменданта была простая: разместиться на постой, взять под контроль ситуацию в деревне и присматривать за местными жителями. Кроме того, Макс и ему надлежало ежедневно являться в комендатуру – для получения новых приказов и для доклада о ситуации. Узнав о своих предстоящих обязанностях лейтенант, видимо, всем своим видом выразил разочарование и растерянность. От опытного взгляда коменданта это не ускользнуло, и тот живо заинтересовался:

– Что-то не так, лейтенант? Вас что-то не устраивает?

– Я – артиллерист, а не полицейский, – как можно почтительнее ответил Макс.

Комендант несколько изменившись в лице быстро подошёл к нему и, остановившись где-то в полуметре, негромко, но чётко сказал:

– Мы – военные. Наш долг – служить Германии. Сейчас Германия хочет, чтобы вы служили здесь, именно здесь! Через эту станцию на фронт идёт техника, боеприпасы, продовольствие... Наша задача – обеспечивать бесперебойное снабжение. Без всего этого война – это пустая трата времени и жизней наших солдат. Возможно, здесь, в моём подчинении и выполняя мои приказы вы нанесёте противнику больший урон, чем если бы вы были на фронте. Вы меня поняли? Людей у меня очень мало, поэтому теми, кто есть, я очень дорожу.

Макс стоял опустив глаза и чувствовал, что краснеет... Комендант вдруг сменил тон и как-то более расслабленно добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.